

НАША СТРАНА

Год издания 68-й. Буэнос Айрес, 17 апреля 2016

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 17 abril de 2016 No. 3035

СТРАНА НЕСТРАШНОЙ ЖИЗНИ

*Нет, вы ошибаетесь, друг дорогой!
Мы жили тогда на планете другой.*
Георгий Иванов

«...В это время вошёл бухгалтер, с ним трое артельщиков. Они внесли небольшой тюк, тщательно завернутый. Наклонившись, передавая бумаги, бухгалтер что-то тихо говорил Савве Ивановичу.

— В Абрамцево поедет в четыре часа, — сказал Мамонтов, когда артельщик и бухгалтер ушли. — У меня есть к вам просьба. Вот вам сейчас подадут лошадь. Будьте добры, отвезите тюк в правление, вы знаете, — на Ярославскую дорогу, и передайте его Анатолию Ивановичу. Это ценные бумаги. А оттуда проедете к себе, захватите краски, холст. А я должен съездить в банк. Возвращайтесь назад сюда, мы поедем.

Тюк был довольно тяжёлый. Мне его поставили в пролётку. Мамонтов смотрел.

— Здесь важные бумаги, — повторил он мне тихо, провожая меня. Подъехав к правлению, я увидел, что Анатолий Иванович, брат Саввы Ивановича, уже дожидался меня с какими-то людьми. Тюк у меня взяли. Вернувшись с холстом и красками, я увидел Мамонтова в столовой. Он предложил мне наскоро закусить.

— Ну, а теперь мы можем ехать, — сказал он весело. — Спасибо, Костенька. А вы знаете, что вы отвезли? — Нет. — Деньги. Десять миллионов. Глаза Саввы Ивановича смеялись, и я засмеялся, глядя на него.

— Что же вы мне не сказали? — Вы бы не повезли, испугались. Я бы и сам не повёз.

— Чьи же это деньги? — Государства, казны. Взнос по постройке Архангельской дороги. — Отчего же артельщики не отвезли?

— Мало ли что могло быть, а вас никто не знает. В голову не придёт. (*«Савва Иванович Мамонтов. Воспоминания Константина Коровина»*).

экипажей императрице Александре Фёдоровне с наследником, одетым в его любимый наряд — матроску и бескозырку, посмотрел, как в другой экипаж впрягнули одна за другой четыре его дочери, и пошёл в голову выстраивавшейся кавалькады, где двое лейб-конвойцев держали в поводу пригтовленного для него белого коня редчайшей красоты и стати. Сев в седло, Николай пропустил половину конвоя вперед и, легонько тронув коня шенкелями, направился к Триумфальной арке. В белой офицерской гимнастёрке с полковничьими погонами, без регалий и орденов, он не выглядел владыкой великой империи, а казался обыкновенным армейским полковником, направлявшимся в летние лагеря или на манёвры. А колокольный звон всё продолжался, войска держали «на караул», тысячи москвичей улыбались ему, поднимали на плечи детей, махали платками и шляпами, и ему подумалось, что этот его въезд в Москву такой же торжественный, как и коронационный в 1896 году. Так проехал он до Иверской, пересёк Красную площадь и возле Спасских ворот, сойдя с коня, перекрестился на узорчатые купола храма Покрова, на златоглавые кремлевские соборы и, отдав повод подбежавшему казаку-конвойцу, пешком пошёл в Кремль, за крестным ходом, направлявшимся к Архангельскому собору, где предстояло возжечь лампаду и отстоять литию у гробницы первого русского царя Михаила Фёдоровича Романова. (*Из книги В. Балаязина «Романовы. Семейные тайны русских императоров»*)

Вот что писал о «самодержавном тиране» бунтовщик революции, Максим Горький, в романе «Жизнь Клима Самгина»:

«А через три дня утром он стоял на ярмарке в толпе, окружившей часовню, на которой поднимали флаг, открывая всероссийское торжище. Инок (известный полиции революционер.

— в новых поддёртках и кафтане, большинство — в пиджаках». «Лошади топали беззвучно, широкий экипаж катился неслышно; было странно видеть, что лошади перебирают двенадцатью ногами, потому что казалось — экипаж царя скользил по воздуху, оторванный от земли могучим криком восторга. Царь... одною рукой упирался

(*Из книги Татьяны Мельник, урождённой Боткиной. «Воспоминания о Царской Семье»*).

Священник Георгий Шавельский, лично знавший Царскую Семью, вспоминал: «Великая Княгиня Ольга Александровна среди всех особ Императорской Фамилии отличалась необыкновенной простотой, доступностью, демократичностью. В

Цесаревны с крестьянскими детьми

в колено, а другую механически поднимал к фуражке, равномерно кивал головой направо, налево и улыбался, глядя в бесчисленные кругло открытые, зубастые рты, в красные от натуги лица... Он пролетел, сопровождаемый тысячеголосым ревом, такой же ревом и встречал его».

Читатели! Вы видели, чтобы современный правитель (после Джона Кеннеди, по крайней мере) ехал в открытом экипаже посреди толп народа и совершенно ничего не боялся? А ведь у Государя родного деда убили на проезжей улице. Прикрыть, защитить его в такой ситуации было бы почти невозможно... Ни жандармы, ни полицейские Царя от народа не отгораживали. Уж Горький бы не забыл упомянуть.

Далее, Император Всероссийский гуляет по выставке, среди посетителей. Люди, конечно, снимают шляпы, но никакого ажиотажа не проявляют. «На выставке было тихо и скучно, как в ненастные будни». Ни одного злобного выпада против Него даже не намечилось. И это в романе большевика, не любившего Его, мягко сказать.

«Одевшись, Государь вышел из дворца, прошёл по Ливадийскому парку и вышел в Ореанду и, пройдя по шоссе, нарочно остановился спросить у дворцового городского дорогу в Ливадию. Городовой, не узнав Царя, ответил довольно резко, что туда нельзя идти и чтобы он повернул обратно. Вряд ли городской узнал когда-нибудь свою ошибку, так как Государь молча повернулся и пошёл, куда Ему показали. Он ходил около двух часов по горам...»

Петербурге она часто ходила пешком, ездила на простых извозчиках, причём очень любила беседовать с последними».

Как же не боялась младшая сестра Государя Императора, что её убьют или возьмут в заложницы?

«Любимой прогулкой Великих Княжён был лес, где они сразу же, при помощи офицера, разводили небольшой костёр и пекли картофель. Им особенно нравилось то, что встречаемые люди их почти не узнавали. Держали они себя со всеми настолько просто и приветливо, что те, кто не знал, кто с ними разговаривает, никогда бы не поверили, судя по скромности Великих Княжён, что это дочери Русского Царя! Любя детей, Великие Княжны посещали дома железнодорожных служащих и крестьян, и всегда приносили им разные подарки». (*Н.В. Галушкин. «Собственный Его Императорского Величества Конвой»*)

Второго сентября 1910 года, в Германии произошло дорожное происшествие с участием августейших особ. Около 5 часов пополудни в окрестностях Обер-Мёрлена автомобиль великого герцога Гессенского столкнулся с крестьянской повозкой. Повреждения ограничились помятым колесом, никто не пострадал. Пассажиры — герцог Эрнст Людвиг, его супруга Элеонора и их высокий гость, Российский Император Николай II, — пересели в запасной автомобиль и продолжили путь Ни охраны, ни кортежа. И мужик отделался лёгким испугом. Монарх-угнетатель...

«А меж тем царь, обойдя почётный караул, подошёл к встречавшим его сановникам, генералам, тузам промышленности и торговли, городским думцам, к московским своим родственникам и, ласково улыбаясь, стал пожимать руки, глядя каждому в глаза, будто знает любого из них. Затем царь помог усесться в один из

Прим. авт.) сказал, что он постарается провести его на выставку в тот час, когда там будет царь, ...наверное, царь посетит Главный Дом ярмарки и лучше посмотреть на него там. Напротив Самгина, вправо и влево от него, двумя бесконечными линиями стояли крепкие, рослые, неплохо одетые люди, некоторые

БРЕСТ-ЛИТОВСКАЯ УНИЯ И ЕЁ ПРЕДЫСТОРИЯ

Обширные русские земли, области и города как Волынь, Подолье, Полесье, Киевщина, Смоленск и целый ряд других, которые во время татарского ига были отторгнуты Литвой от Руси, после Люблинской унии 1569 года отошли к «Короне», то есть стали составной частью польского королевства.

Вскоре после установления унии умер и последний Ягеллон – Сигизмунд-Август II-ой, находившийся под сильным влиянием польских магнатов и шляхты. Он вёл беспечный образ жизни, откладывая важные государственные дела на завтра, за что и получил прозвище «Король-Завтра».

Со смертью короля Казимира Великого (1310-1370) кончилась династия монархов из Дома Пиастров.

На польский трон взошёл Людовик I-й, король венгерский, племянник Казимира, а после его кончины, последовавшей в 1380 году, его несовершеннолетняя дочь Ядвига, не говорившая по-польски, становится королевой Польши. В интересах этой страны, ослабленной междоусобицами и тевтонскими рыцарями, было выдать замуж Ядвигу, которой было 15 лет, за Ягайло, одного из сыновей Ольгерда (великого князя литовского, сына Ге-димина, правившего с 1345 по 1377 годы) и его жены тверской княжны Ульяны. Ольгерд продолжал политику своего отца, территориально обогащаясь за счёт Руси.

При Гедимине киевские князья уже признавали над собой верховную власть Литвы. К концу XIV-го столетия Литва превращается в обширное государство, простиравшееся уже от Балтийского и до Чёрного моря, в котором западные русские области составляли девять десятых всей территории этого княжества, и в котором преобладало русское население, как и русская культура.

Сыновья Гедимина тоже были женаты на русских князьях. Литовские князья, в особенности те, которые крестились в русскую веру, постепенно русели. Правда, были и такие русские князья, которые добровольно уходили в Литву, спасаясь от татар.

Ягайло слыл за человека жестокого и коварного, пробравшегося к трону через семейные смуты и убийство дяди – Кейсута. В 1386 году Ягайло, предварительно став католиком, женится на Ядвиге и становится королём польским, с именем Владислава. Кстати, литовские князья часто меняли религию, подходили к ней с утилитарной точки зрения – даже порой возвращались в язычество.

Поляки надеялись, что этот брак приведёт к унии Польши с Литвой, - вернее к поглощению Литвы Польшей, - ибо им нужны были богатые русские земли, которые составляли обширное литовско-русское государство.

Ягайло, со своей стороны, нуждался в поддержке Польши против совместного врага – немецких рыцарей, и в укреплении своей власти против непокорных братьев.

За год до женитьбы, то есть в 1385 году, Ягайло обязался в Криве не только привести всю страну в католичество, но и присоединить навсегда все земли и области Великого Княжества Литовского к короне польской. Это привело к открытому восстанию, во главе которого стал грозный Витовт, двоюродный брат Ягайло...и дед, по матери, Василия II-го, ослепленного Шемаякой. Ягайло был принуждён прибегнуть к некоторым уступкам.

Так, в 1392 году, в Острове было подписано соглашение, в силу которого Витовт становится великим князем лит-овским... однако под суверенитетом опять-таки польского короля.

Кревское соглашение, на которое

дал своё согласие Ягайло, является началом ополячивания Литвы и исходным пунктом католического прозелитизма в Литовской Руси.

Этот процесс польско-католической пропаганды падает на второй период польской истории, когда на польском троне восседали Ягеллоны – потомки Ягайло (1386-1572). Однако систематическое преследование православия в Польше началось при Сигизмунде III-м, находившемся под сильным влиянием иезуитов и задумавшем на соборе в Бресте, в 1596 году провозгласить унию православной Церкви с римской.

Польское правительство ошибочно рассчитывало, что уния приведёт и к политическому объединению русских и поляков, но на практике случилось обратное. Уния, вследствие насильственных методов её введения, вызвала страшные смуты в Речи Посполитой, вплоть до казацких войн, и была причиной стихийного влечения православного населения к единой Москве, к присоединению Малороссии и к трём вынужденным разделам Польши, благодаря которым коренные русские земли, кроме Галиции и Прикарпатской Руси, вернулись в «отчий дом».

При Казимире Ягайловиче, к середине XV-го века образовалась независимая от Москвы киевская митрополия, которая всецело подпала под контроль Рима и литовско-польских королей.

После отпада от Москвы, западно-русское духовенство, особенно его иерархия, стало отличаться гибельным падением нравов. На епископские кафедры попадали двоеженцы, что было нормой среди белого духовенства, а иногда и троеженцы.

Кроме того, королями назначались во епископы угодные им и польской знати светские люди: русские ренегаты, преданные латинству и польщине, которые-то и проталкивали унию, вместе с иезуитами. При Стефане Батории, этом венгерском румыне, произошло открытое гонение на православных в Литве: в 1583 году он приказал отобрать у всех полоцких церквей и монастырей их земли, кроме владычных, и передать их иезуитам.

Однако на Западной Руси ещё осталось много крепких духом и беззаветно преданных вере своих отцов. Это, в первую очередь члены «православных братств», возникшие сразу по водворении Брестской унии. Оплотом этих братств, из коих самыми известными были львовское и виленское, являлся простой сельский и посадский люд (мещане), днепровское казачество и шляхта, то есть мелкое русское дворянство.

Ирония истории: в данный момент Львов-Львив и Вильно-Вильнюс – лютые враги не только православия, но и всего русского.

Интересно и примечательно, что братчики, то есть рядовые члены-миряне, получили исключительное право от Цареградского Патриарха обличать духовенство, вплоть до епископов, если они нарушали каноны или правила Церкви.

И вот, на фоне этого ожесточённого религиозного антагонизма, вызванного к жизни польско-литовским государством, выделяется из среды уже сильно ополяченных крупных русских магнатов князь Константин Острожский - ревнитель православия и борец против унии потомок князей галицких. Однако в политическом отношении его симпатии, как и его отца, были на стороне Польши. Его отец, став гетманом, отличился под Оршей, разбив московскую рать. А сам Константин Константинович, будучи русским, воевал против полков Иоанна

Грозного под знамёнами Батория, этого ненавистника всего русского. То есть воевал против православного московского государства, проливая кровь собратьев и единоверцев. В те далёкие времена понятие «изменник» было довольно расплывчатым, так что не будем напяливать на него этот ярлык, а ограничимся назвав его личностью сотканной из целого ряда политических противоречий.

Между прочим, его внучка, став католичкой, субсидировала иезуитов в их борьбе против православия.

В том же лагере, наряду с князем Константином Константиновичем Острожским оказался, как ни странно, уже явный изменник Москве, князь Андрей Курбский и Ярославский, сохранивший горячую любовь к православной вере и ставший в первые ряды её защитников и поборников. От последнего Ягеллона – Сигизмунда-Августа, - он за измену получил на Литве и Волыни обширные владения. В Литве он вёл довольно бурную жизнь, женившись ещё два раза. Его перу и принадлежит история Флорентийской унии, как и перевод с латыни на славянский язык одной из бесед свя-того Иоанна Златоуста. Он также выступал письменно с обличениями лютеран и иезуитов, но заклеив свои имя подлой изменой, он этот позор уже смыть не смог.

В своём эпистолярном наследии, переписке с царём Иоанном Грозным, князь Курбский часто прибегал к гнусной клевете. Что возмущало царя и вынуждало его отвечать.

Со смертью короля Сигизмунда-Августа, иссякло мужское поколение в роде Ягайло; несмотря на три брака он был последним представителем Ягеллонов на польском троне, который литовские князья неизменно занимали уже на протяжении более чем ста лет. Со дня его смерти, наступило время «безкоролевья», вызвавшее очередную ожесточённую борьбу партий. Часть польской шляхты хотела видеть на польском престоле царя Иоанна Грозного, который, как им казалось, смог бы обуздать польских магнатов, как он это делал в боярской фрондой.

Номогущественная католическая партия, во главе с папским посланником, - нунцием, - при содействии иезуитов одержала верх и на польский трон был избран польской радой Генрих Валуа, брат французского короля Карла IX-го, при котором разразилась кровавая Варфоломеевская ночь, унёсшая в одном Париже свыше трёх тысяч гугенотов. Однако по смерти брата, он вскоре бежал из пределов наскучившей ему Польши по приглашению своей матери, зловещей Екатерины Медичи, и стал Генрихом III-м.

К моменту Брестской Унии (1596), большая часть литовской знати, как и русской, в тех областях совершенно уже ополячилась и окатоличилась.

Уния создавалась на почве страшного морального разложения западно-русской иерархии, в среде которой преобладали материальные интересы и целый ряд других омерзительных пороков. Этими духовными язвами страдал и упадочный состав белого духовенства. Львовской братство писало о митрополите Онисифоре, что он был вдовцом по второй жене и приумножил попов-двоеженцев до нескольких тысяч. В другом письме к патриарху Цареградскому братчики жаловались на своих епископов, что они не святители, а поистине осквернители, ибо живут невозбранно с жёнами, а другие прижили детей с блудницами, истощили все церковные имения, упразднили иночество и ввели в монастыри своих родственников и мирян.

Ко всем этим вопиющим беззакониям и бесчинствам прибавилась ещё и измена, которую заговорщики-епископы старались скрыть от паствы. Так, в 1590 году, за 6 лет до беззаконной унии, этими русскими полонофилами, в угоду Сигизмунду III-му Вазу, фактическому творцу этого ублюдочного действия, в порядке конспирации было тайно подписано обещание стать униатами. Ипатий и Кирилл, оба в епископском сане, активные затейщики и «герои» унии, 15-го ноября 1595 года тайно прибыли в Рим в роли делегатов, представлявших западно-русскую иерархию.

Они вскоре были приняты папой Климентом VIII-м в частной аудиенции, в которой папа «с несказанной милостью и лаской» с ними обошёлся. Папа потом вспоминал, что при вручении ему соответствующих документов и соборного послания русских епископов, Ипатий и Кирилл «униженно просили принять их в лоно католической римской церкви, с сохранением обрядов и церемоний при совершении божественных служб и таинств согласно с унией, утверждённой на Флорентийском соборе». Они также обещали «всегда оказывать должное послушание и покорность папе, как истинному наместнику Христову и святой апостольской кафедре».

Наконец, по прошествии нескольких недель, 23-го декабря состоялась торжественная аудиенция в Константиновском зале Ватикана. Папа в полном облачении, окружённый кардиналами, восседал на троне. По лицу папы скользила тонкая, почти неуловимая улыбка триумфатора.

Беззвучно раскрылись тяжёлые двери и два церемониймейстера степенно, не спеша, ввели в зал двух русских схизматиков: Ипатия Потее и Кирилла Терлецкого, предавших веру отцов. После трёх ритуальных глубоких поклонов в сторону папы они, приблизившись к его особе, почтительно облобызали его туфлю. Затем Ипатий, как и Кирилл всё стоя на коленях, обратился к папе по латыни с краткой речью, объяснив цель их приезда, и вручил ему привезённые документы. Следом они, пятясь назад, всё с теми же поклонами стали у входа в зал, где находилась их свита, стоявшая всё время на коленях.

Брест-Литовская уния, во всей своей духовной неприглядности, является абсолютным, безоговорочным принятием латинства, с его искажённой догматикой, как это видно в Символе Веры со вставкой «Сына» - *филиокве*.

С этого момента начинается страдальный период не только Православной Церкви, но и гонимого русского меньшинства в польском государстве, длившийся около двух веков – до вынужденных разделов Речи Посполитой.

Кстати, исторический отрезок времени, берущий своё начало от Люблинской унии 1569-го года и до 1795-го, считается эпохой первой польской республики – Речи Посполитой – во главе с избираемым польской радой или сеймом королём. Благодаря Люблинской унии, поглотившей Литву с её обширными русскими землями, Польша - эта «королевская республика» - по территории становится уже империей – за счёт Руси.

Убийственную характеристику Брестской унии дал митрополит Антоний (Храповицкий), писавший вольному духовенству: «Не было бы ваших унией, если бы польские короли не выбрали в епископы прелюбодеев и хриstopродавцев, которые при всяком удобном случае ставили таких же иереев».

Граф А. Коновницын

Мария Кублицкая

ПУШКИНСКИЕ ТОРЖЕСТВА В БУЭНОС АЙРЕСЕ, 1937 ГОД

Десятого февраля 2017 года, исполнится 180 лет со дня кончины Александра Сергеевича Пушкина.

А столетнюю годовщину смерти поэта, в 1937 году, отмечали русские эмигранты по всему миру: в Риге и Берлине, Нью-Йорке и Шанхае, Асунсьоне и Копенгагене... Было образовано более ста Пушкинских Комитетов, возглавляемых Центральным Комитетом в Париже.

При весьма скромном, примерно 500 человек, количестве русских белых эмигрантов в столице Аргентины, здесь действовали сразу два Пушкинских Комитета. В № 3006 «Нашей Страны» уже говорилось о расколе в рядах белых русских, действиях партии Младороссов, проивостоянии в 1937 году газет «Русский в Аргентине» и «Время» (а значит, и их подписчиков и читателей). Празднование Пушкинского юбилея пришлось на переломные предвоенные годы разделения на «оборонцев» и «пораженцев»...

Здесь нужно отметить, что дипломатические отношения между СССР и Аргентиной были установлены только в 1946 году и, во всяком случае, прямой помощи «оборонческому» комитету или же организации советских торжеств с советскими дипломатами, как это произошло в ряде стран Европы, — не могло быть в принципе.

Подготовка к торжествам началась еще летом 1936 года. В № 313 газеты «Русский в Аргентине», от 1 августа, сообщается о том, что Пушкинский Комитет в Париже поручил Галине Ивановне Толмачевой, члену Младоросской партии и сотруднице газеты, «организацию Пушкинского Комитета в Буэнос-Айресе и создание в других южноамериканских государствах аналогичных местных комитетов».

Ядро комитета было сформировано к концу августа, и в него вошли известные в русской колонии люди: «Начальник Южного Подрайона Представительства Младоросской партии в Южной Америке» князь Юрий Николаевич Волконский, генерал А. А. Бейер, штабс-капитан Семёновского полка Ю. В. Макаров, издатель газеты «Русский в Аргентине» С. И. Стапран, М. А. Нечаев — председатель комитета.

Были разосланы письма с приглашением принять участие в работе целому ряду лиц, из которых, однако, В. В. Лежнев, Г. А. Хутарев, С. С. Кишкин, проф. А. М. Пульман и, вероятно, некоторые другие отказались.

Можно представить себе, сколько переживаний, переговоров, возмущений и обвинений стоит за тем фактом, что уже в октябре 1936 года Ю. Н. Волконский сообщил о параллельном образовании «явочным порядком еще одной Пушкинской группы в Буэнос-Айресе» и о шагах, «предпринимаемых Президиумом к ликвидации этого печального явления». Естественно, «раскольники» обвинялись в предательстве «общерусского дела» («Русский в Аргентине» № 325).

В том же номере газеты предлагалось «главные торжества перенести на зимний сезон 1937 года», в соответствии с местными условиями. Это было вполне разумно, так как февраль в Аргентине — это время летних отпусков, когда собрать публику и устроить большое мероприятие невозможно. В зимний сезон, то есть в мае-августе 1937 года, и отметили годовщину смерти Пушкина оба комитета.

Газетой «Русский в Аргентине» был издан и в начале 1937 года поступил в продажу «Настольный календарь на 1937 год», посвященный

памяти А. С. Пушкина. Помимо православного календаря на 12 месяцев, в нем были опубликованы ряд стихов поэта, его краткая биография, подборка высказываний современников о Пушкине и знаменитая речь Ф. М. Достоевского.

Торжественное собрание, посвященное памяти А. С. Пушкина, комитет под руководством М. А. Нечаева и Ю. Н. Волконского устроил 16 мая. После речи председателя комитета Нечаева и доклада о жизни и творчестве поэта В. М. Макаровой, состоялся концерт.

Заключительное собрание комитета прошло 19 мая: были подведены итоги его деятельности и зачитаны сообщения о доходах от продажи календаря и распространения юбилейных пушкинских изданий из Парижа. Вполне вероятно, что были устроены и детский спектакли и праздники, но сообщений об этом в печати не найдено.

А что же «раскольники»? Главным и решающим обстоятельством в соперничестве двух Пушкинских Комитетов в Буэнос-Айресе было то, что протопресвитер Константин Изразцов, настоятель единственного в столице православного храма Святой Троицы и человек, пользовавшийся непререкаемым авторитетом в правительственных кругах Аргентины, к 1937 году прекратил всякое сотрудничество с «младоросской» газетой «Русским в Аргентине».

Всё правое, антикоммунистическое крыло русской белой колонии было сплочено вокруг храма на улице Брасиль 315, церковной школы, организации «Русский Сокол», газет «Время» и «Вестник». В отличие от младоросского комитета, созданная под почетным председательством о. Константина «Комиссия по устройству Пушкинских Торжеств» важнейшим актом считала панихиду по Александру Пушкину, отслуженную настоятелем храма при большом скоплении молящихся.

К счастью, в архиве храма Святой Троицы сохранились свидетельства и документы о деятельности Комиссии.

Силами преподавателей и учеников церковно-приходской школы 23 мая 1937 года в зале «Сокола» на улице Сан Хуан 782 был устроен детский Пушкинский праздник.

В программе указано, что в первом отделении преподавательницей М. А. Бейер был сделан короткий доклад о детстве и юности поэта; ученики прочли несколько стихотворений. Во втором отделении была инсценирована детская сказка «Корневик, или волшебная ночь» Поликсены Соловьевой. Третье

отделение — «Живая картина. Апофеоз лицеиста Пушкина».

Важнейшим не только для памяти Пушкина и пропаганды его творчества за границей, но и для укрепления авторитета русской белой колонии среди аргентинцев событием явился академический акт 9 июня 1937 на филологическом факультете Национального Университета Буэнос-Айреса (крупнейшего высшего учебного заведения страны).

После вступительного слова протопресвитера Константина Изразцова, с докладами выступили профессор дон Хосе А. Ориа (Don José A. Oría) и В. В. Струков (Wadim Struckhof).

В архиве храма сохранились вырезки из центральных газет, посвященные этому событию.

Доклад Вадима Струкова «Духовный облик Пушкина», но уже по-русски, был прочитан вторично на чествовании поэта в русской колонии 19 июня. С докладом «Пушкин как выразитель русского национального духа» выступил полковник В. В. Шапкин, издатель газеты «Вестник». В архиве храма сохранился рукописный текст доклада В. В. Струкова на русском языке. В заключительной части, для русской аудитории, Струков сказал несколько верных слов о сохранении национальной идентичности в эмиграции и призвал создать пушкинский кружок, который бы поддерживал в людях все те лучшие русские душевные порывы, которые ярко проявились в дни чествования Александра Сергеевича.

Традиционный для эмиграции День Русской Культуры, посвященный памяти А. С. Пушкина, прошёл 28 августа 1937 года в салоне «Консехо де Мухерес»; по почте было разослано более 400 приглашений.

После вступительного слова председателя Пушкинской Комиссии Г. А. Хутарева состоялся концерт.

На этом «закончилась программа Пушкинских торжеств в Буэнос-Айресе, почему Объединенный Комитет Русских Организаций в Аргентине считает деятельность комиссии законченной. Весь материал, касающийся пушкинских торжеств, будет препровожден в Главный Пушкинский Комитет в Париже» («Время» № 1, 1.10.1937). В том же номере газеты был опубликован отчет Пушкинской Комиссии: доход от детского праздника и концерта составил 914 песо, расходы же на проведение доклада в университете, концерта, фотографии, почту превысили доходы на 197 песо; они должны были быть покрыты из сумм Объединенного Комитета.

На концерт в День Русской Культуры откликнулся и «Русский в Аргентине», опубликовав злобную заметку за подписью «Н.» под названием «Конспираторы»: якобы концерт прошел чуть ли не в тайне от общественности, был организован неизвестно кем, зал был полупустой (см. № 370 газеты).

Но невозможно было оспорить тот факт, что, условно говоря, «пораженческая» комиссия сделала гораздо больше для прославления имени поэта в Аргентине, чем «младоросский» комитет.

Конечно же, русская колония не имела ни сил, ни средств, чтобы устроить чествование Пушкина в главном оперном театре страны — театре «Колон». Однако же, в почетную комиссию под руководством городского головы Буэнос-Айреса Мариано де Ведиа и Митре, наряду с членами дипломатических представительств разных стран, вошёл и глава Русской Православной Церкви в Буэнос-Айресе протопресвитер Константин Изразцов. Пушкинский вечер в театре «Колон» состоялся 11 ноября 1937 года; он начался исполнением прелюдии к опере «Царь Салтан». Были представлены сцены из оперы «Борис Годунов», а закончился концерт Половецкими Плясками из оперы «Князь Игорь» в постановке М. Фокина (см. «Время» № 8, 20.11.1937).

Вот, собственно, и всё о Пушкинских торжествах, если бы не одна загадочная фамилия и одна загадочная фотография. Вадим Владимирович Стругоф; Стругов; Стругов; Стругов; Wadim Struckhof — разные написания одной и той же фамилии в газетных заметках и в дарственных надписях (книги ему дарил проф. М. В. Зызыкин, Юрий Псковитянин, А. Ставровский, и они сохранились в библиотека при храме Святой Троицы). Хотелось бы больше узнать о человеке, достойно представлявшем русскую колонию в стенах лучшего университета страны. В архиве храма сохранились его машинописная работа «О значении Пушкина для русского человека» и сделанный им перевод на испанский язык знаменитой речи Достоевского о Пушкине. В библиотеке — брошюра на испанском языке «Elementos de la Estética. Introducción al examen substancial del arte», 1937 год, где есть ссылка на его предыдущую работу: «La música como factor de cultura» 1936 год.

В Аргентине В. В. Струков (так писалась его фамилия в газетах) появился не позднее 1933 года, когда принял участие в Дне Русской Культуры как солист на виолончели (см. «Русский в Аргентине» № 165 и 166 от 3 и 17 сентября 1933). В 1936 году он снова участвовал в проведении Дня Русской Культуры как виолончелист, причем писалось Проф. В. фон Струков и сообщалось, что он «стипендиант Петроградской Консерватории Императорского Русского Музыкального Общества» (см. «Русский в Аргентине» № 315 и 316).

Поиски же в интернете дали неожиданный результат. В труде «Соловецкий мученик. Фамилии, имена, судьбы» (кн. 7, глава 12) значится Стругоф Вадим В. - в списках указаны не только погибшие, но и отсидевшие и выпущенные на свободу заключенные. В 1920-х годах сроки давали сравнительно с позднейшими временами небольшие, и если повезло выжить в лагере, то была возможность выйти, как, например, произошло с писателем Б. Н. Ширяевым.

Стругоф сидел в начале 1920-х годах, когда еще издавался жур-

нал заключенных «Соловецкие острова», где в 1925 году были опубликованы две его статьи. Но самое главное — в книге «Их называли КР: Репрессии в Карелии 20-30-х годов», Петрозаводск, 1992, сказано: «1924 год был для Соловков... годом зарождения музыкальных вечеров. Их проводили Городецкий (скрипка), В. Струггоф (виолончель), Левкасси (рояль)». Скорее всего, речь идет действительно о нашем аргентинском Струкове, к счастью, молодым выжив-

шем в лагере и неизвестными нам путями добравшемся до Буэнос-Айреса... Он прожил долгую жизнь, и последнее упоминание его имени встретилось в 1971 году: на торжественном акте к 150-летию Ф. М. До-стоевского профессор университета города Ла Плата В. В. Струггов читал доклад «О проникновении Достоевского в духовную жизнь человека» («Наша Страна» № 1117). «Многоуважаемому и дорогому отцу Константину на долгую и добрую

память. 9 июня 1937» - написано на обороте прекрасно сохранившейся в архиве храма фотографии. Кроме протопресвитера Константина Изразцова и его сына Гавриила Константиновича (второй справа), других лиц определить никто не может. Вполне вероятно, что фотограф запечатлел кого-то из членов Пушкинской Комиссии, оставивших свои подписи на обороте: В. В. Лежнев, Г. А. Хутарев, В. В. Струков, Георгий Митрофанович

Киселевский, полковник Г. А. Бенуа, художник Константин Васильевич Попов, единственный в Аргентине лицеист (1899 год, LV выпуск Императорского Александровского Лицея) С.П. Ермолаев. Таким образом, бывший финансовый агент в Лондоне Сергей Петрович Ермолаев дважды в жизни принимал участие в юбилейных Пушкинских торжествах: в 1899 году его лицейский выпуск был в центре празднования 100-летнего юбилея поэта...

МЫСЛИ КАРЛОВЧАНИНА

РАЗРУШИТЕЛЬ АЛФЕЕВ

Интернет-Собор воспроизвел открытое письмо митрополита Антония Сурожского епископу Подольскому Илариону (Алфееву) 14-летней давности. Этот страшный исторический документ надо регулярно время от времени выставлять на обозрение сегодняшних верующих. Вот как молодой Алфеев начинал свой архипастырский путь у нас в Западной Европе... Надо ли удивляться его сегодняшней политике? Зато можно с полным основанием опасаться его деструктивной деятельности теперь, что он пользуется почти абсолютной властью, когда видишь чего он был способен в почти «мальчишеском» возрасте, только-только облеченным архиерейским саном.

Особо важно отметить, что это не заслуженные слова какого-нибудь анти-патриархияца, а его правящего архиерея и, если можно так выразиться, одного из самых уважаемых в этой среде, глубоко старца, опытного духовника, митрополита Антония Блума. Но что могло стоить мнение местного митрополита для Алфеева, у него ведь была другая «крыша» и куда более надёжная — всесильный председатель отдела внешних сношений МП Кирилл Гундяев? Жуткая двойка!

Как только Гундяев стал патриархом, молодой Алфеев получил белый клубок и внешние сношения остались в «надёжных» руках. И даже если они ещё всего не показали, можно уже видеть на основании только что прошедших событий, чего они способны и что ещё от них можно ожидать в смысле «внешней политики».

«Ты не только расшатываешь стройную до твоего приезда жизнь епархии, но и всенародно позоришь имя Русской Церкви во всей Европе и Америке /.../ Дорогой владыка, пожалей Русскую Церковь!»

Мудрые, правдивые слова ...

ЗАЧАТОК ОЗДОРОВЛЕНИЯ?

Этот же сайт поместил обращение молдавских непоминающих к митрополиту Кишиневскому МП Владимиру. Я приветствую мудрое и мужественное выступление молдавских клириков против патриархальных безобразий, которое светлым лучом выделяется на фоне всеобщей апатии и пассивности. Сопоставим например с позорным молчаливым поведением бывших Зарубежников! Известно, что у этих молдаван это не появилось так, случайно, под каким-то впечатлением. Это скорее зреющий плод их мышления и духовного возрастания, последовательного, на протяжении научных богословских конференций, открытых голосований, общений с видными серьёзными греческими богословами, в частности с профессором протопресвитером Феодором Зисисом, что говорит о серьёзности этого движения. Но конечно их путь ещё не завершён, остаётся им сделать последний и самый ответственный шаг. Можно конечно опа-

саться, что это дальше протеста не пойдёт, - сие было бы весьма печально, - но нельзя не признавать искренность их побуждений. Можно также жалеть, что вместо угроз и полумер, они не порывают прямо с МП, но мы ведь знаем по собственному опыту, что когда открылось предательство внутри Зарубежной Церкви были те, кто сразу порвал с вл. Лавром и те, кто, поначалу считали возможным исправить положение изнутри и порвали с ним позже. Однако самое главное ведь то, что потом объединились на единой платформе. Разными путями можно достичь истины.

Поэтому, не будем скептически или с иронией смотреть на происходящее, а надеяться и молиться дабы Господь укрепил их в своём стоянии. И не побоимся не медля протянуть им братскую руку помощи. Это может быть зачаток того оздоровительного движения, которого мы в течение столетий ждали и на счёт которого почти потеряли всякую надежду.

Надо признаться, что противная сторона иногда одновременно нам помогает. Была встреча Гундяева с Папой Римским, что вероятно многих встревожило, и в конечном счёте может помочь ещё более открыть глаза и начать мыслить своей головой. Так что — спасибо Кириллу Гундяеву и Папе Франциску! И заодно спасибо местному митрополиту, что он без разбора проглатывает все безобразия!

ЛЁД ТРОНУЛСЯ?

Нельзя говорить о МП, как о монолитном организме. Всегда надо различать, с одной стороны, - полностью прогнившую иерархию (и чем выше, тем хуже), в том числе и полтора десятка трусливых бывших Зарубежников во главе с Иларионом, Марком, Донсковым и пр., которые не только давно уже не имеют никакого права называть себя Зарубежной Церковью, но теперь и просто не достойны быть названными православными (вспомним брошюру Виктора Потапова с

крылатым заглавием «Молчанием предаётся Бог!»). И с другой стороны - народ, монашествующие, простое духовенство, среди которых есть немало чисто православно мыслящих, как видно хотя бы из бесстрашных выступлений на собравшем более 400 человек в Петербурге круглом столе «РПЦ МП и Гаванская декларация — победа или поражение?».

Конечно, пока это лишь красивые, золотые слова, но приобретут они свой настоящий вес только если воплотятся в действие, а не останутся словами.

Даже если архиереи не являются полнотой Церкви, священнослужители и миряне существуют только в связи с архиереями. Церковь *елискоцентрична*, такова православная экклезиология. В простонародье есть пословица: «каков поп, таков и приход», но тут мы скажем «каков архиерей, таков и поп и приход».

Можно конечно удивиться — почему вдруг такое возмущение, такое «святое негодование», неужели до сих пор им жилось спокойно и уютно под первосвятительством Кирилла Гундяева и его предшественников? Но — лучше поздно, чем никогда.

Это уже не экзотические заявления каких-то «старцев» (напомним слова Митрополита Виталия, что старцы могут процветать только в истинной Церкви, в МП их быть не может), а нечто более глубокое, из недр народа. Хочется верить, что лёд тронулся.

Дай Бог им помощи и сил воплотить в жизнь этот исповеднический порыв!

ЦЕНТР МП В ПАРИЖЕ

В Париже близится к завершению строительство «православного духовно-культурного центра» Московской Патриархии на набережной Бранли, в нескольких сотнях метров от Эйфелевой башни. Строительство «комплекса» ведётся с июля 2014 года.

Конечно, по сравнению с той клюквой, которая первоначально была задумана и после долгих споров отменена, этот «культурно-духовный»

комплекс выглядит лучше, но не намного, а ставить его в один ряд с жемчужиной, каковой является «Мост Александра III-го», - по единодушному признанию французов самый красивый мост Парижа - преувеличено!

Однако для пост-советского посла А. Орлова, любимое занятие которого жадной рукой загребать под себя всё русское имущество во Франции, это видно своего рода вызов: если не перегнуть, то во всяком случае догнать историческую Россию. Впрочем он может ещё долго состязаться, а успеха ему так и не видать.

Орлов в интервью «Российской Газете» подчёркивает, что храм будет, как в старое советское время, находится под прямым руководством российского посла и юридически являться отделением посольства РФ. Конечно, сегодня времена не совсем те, но всё же... Неоднократно среди французской общности удивлялись, что такой «многотикий центр» расположен в пяти минутах от Елисейского Дворца и основных министерств, имея ввиду, что в нём не только Богу будут служить...

Ещё не забыто тут советское время, когда здание Аэрофлота служило прикрытием для ГРУ, с шумным скандалом высылки в 1965 году директора агентства, Сергея Павлова, в связи с делом кражи планов сверхзвукового самолёта «Конкорд». Хорошо памятна улица Фезандри, где располагалось так называемое *посольство-бис*, пресловутое «Тогпредство», где не только торговлей занимались. Да и столько было других учреждений тесно связанных с посольством...

ГУНДЯЕВ С ФИДЕЛЕМ

В конце моей статьи «К предстоящей встрече с Папой», помещённой в «Карловчанине» я делал своего рода пари, что после встречи Гундяев пойдёт на поклон к Фиделю Кастро. Поскольку поначалу об этом не слышал, то решил что со своим «пророчеством» я сел в лужу. А на самом деле нет!

Портал-Кредо опубликовал-таки фотографию Гундяева с Фиделем. Кирилл Гундяев, как подлинный советчик, не мог без этого обойтись!

Протоиерей Герман Иванов-Тринадцатый

ОТКЛИК

Прекрасная статья И. Есаулова про очередь на Серова (№ 3032). Не могут успокоиться всея Эрефии русофобы, расточившие мракобесные, откровенно большевистские комментарии, что народ выбрал подлинную, историческую Россию, с её классическим искусством.

Отметившиеся презрительными высказываниями по адресу очереди на выставку Валентина Александровича Серова, не просто равнодушны к «бесконечным ленинским истуканам и советской топонимике», но очень даже горой стоят именно за ленинские, раннебольшевистские порядки.

Сергей Шарпов

Патриарх Кирилл Гундяев яхшается с Фиделем Кастро, который ещё в 1962 году был отлучен Ватиканом от Церкви за то, что он активно преследовал религию на Кубе. Да и по сей день гонения не прекратились. В декабре 2015 года власть братьев Кастро распорядилась снести еще пять церквей. Кубинские правительственные чиновники издали постановление о сносе всех храмов в районе Абель Санта Мария столицы Сантьяго-де-Куба. Священник А. Толедано совсем недавно заявил, что после визита Римского Папы на Кубу и восстановления отношений с Соединенными Штатами коммунисты активизировались в своей ненависти и гонениях на Церковь. В течение последнего времени, с момента вступления в силу постановления № 322 в январе 2015 года, ситуация со свободой религии на Кубе серьезно ухудшилась. Гундяеву это, разумеется, нипочём.